«БЕЗУМИЕ» ИЛИ НОВАЯ ЖИЗНЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ?

УДК 316.3/4

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Странный текст представили на наш суд коллеги М.В. Чекмарев и А.С. Чупров [1]. Авторы дают широкую панораму симптомов глубокой патологичности современного общества. В качестве симптомов этого нездоровья указываются насилие и цинизм на экранах и в жизни, засилье дебилизирующей рекламы, излишество ненужной информации, деградация экосистем. Следствием чего является разлад в семье, перманентный стресс, «нападение на себя» (в качестве чего авторы неоднократно поминают пирсинг), а в конечном итоге – уход в безумие (векордизм) как защиту от агрессивного мира.

В качестве причин такого положения авторы полагают расколдовывание и десакрализацию традиционного мира («смерть Бога»), девальвацию традиционных ценностей, испытание свободой и изобилием, гиперкритицизм и тотальное сомнение, затянутый период обучения подрастающего поколения, изменение роли женщины, а главное – смех, обсмеивание всего и вся, шутовство, чреватое «шагом в бездну».

В результате складывается устойчивое впечатление, что авторы щедро делятся с читателем потоком эмоционального пафоса, но не пониманием и объяснением природы и особенностей современного общества*. Симптоматика, следствия и даже причины сваливаются в нечто яркое, но достаточно бесформенное и лохматое. Что затрудняет выработку внятного отношения к тексту. Зато можно выдергивать любой его фрагмент, раскручивая и прослеживая который можно, наверное, размотать и весь клубок, по крайней мере, большую его часть.

И начать можно с самого почему-то болезненного для авторов сюжета – со смеха...

О смешном

Шут, трикстер, карнавал – принадлежность любой культуры, а отнюдь не исключительно феномены современной. Смех – радость понимания. Прежде всего, несостоятельности отклонения от разделяемой тобою нормы. Причем отклонения именно несостоятельного, неопасного. Если такое отклонение опасно, становится не до смеха. Поэтому, как отмечал Достоевский в «Подростке», смех – самая верная проба души. В смехе, зачастую помимо воли человека, реализуется его идентичность – система ценностей и норм им разделяемых. Но чтобы рассмеяться, надо оказаться именно в положении «над» предметом осмеяния, его несостоятельностью. Смех поэтому предполагает выход в некий контекст, в некий out – по отношению к конкретной ситуации. Это именно эмоция понимания, осмысления – аналогично как смысл слова из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста, а смысл жизни – в том контексте, в котором жизнь рассматривается, переживается.

В этой связи важно понимать, что смех, нонсенс, абсурд – не отсутствие смысла, а его приращение, умножение, а то и факторизация. Так, нонсенс – это не когда нет смысла, а когда возможны различные прочтения, интерпретации, понимания... Да и священные тексты, чтобы стать таковыми, должны быть достаточно абсурдными и противоречивыми с точки зрения обыденного сознания, чтобы допускать толкования на все случаи жизни. Инструкция по технике безопасности священным текстом быть не может – ее можно и следует понимать только однозначно.

Да и вряд ли можно отрицать, что систематическое остранение, делание привычного странным, иным – условие динамики осмысления, обновления понимания в искусстве, науке, морали, религии...

О природе ценностного релятивизма

Тогда становится ясной природа нынешнего (постмодерного) «всего и вся деконструктивизма». Мы имеем дело с тотальной контекстуальностью и даже гиперконтекстуальностью осмысления, когда при желании можно остранять практически все реалии окружающего мира и опыта. Речь идет об утрате некоего главного Контекста. Другими словами – о тотальном ценностном релятивизме. Что является отнюдь не следствием мультикультурализма. Наоборот – сам мультикультурализм суть следствие и проявление этого релятивизма ценностей и норм. Тогда что его порождает? ПОЧЕМУ Бог умер? Простой констатации факта недостаточно. А объяснение в духе – «он на нас обиделся и ушел в мир иной» переводит вопрос в плоскость Божественной мотивации (обиды), следствие чего в лучшем

[1] Авторы не ссылаются на источники, работы других авторов, делясь с очевидностью личным. Поэтому и я позволю себе прокомментировать их текст без ссылок на работы не только свои, но и других коллег. При желании этот компонент аргументации может быть легко выстроен.

случае — признание вины за собой... Но тогда вопрос возникает в ином обличьи — «а почему люди утратили веру в Бога?». И тогда возникает целый веер идеи «возврата к вере»: от фундаментализма до поиска новых «столпов и утверждений истины».

Чем гадать о Божественных обидах, лично мне представляется более конструктивной точка зрения И. Канта, согласно которому вера наша в Господа должна быть настолько полной, что не должна его примешивать к нашим делам. Тот, кто претендует на знание мотивации Господа, слишком много берет на себя. Тут недолго и до магии, вроде торговли с Господом — мол, я Тебе..., а Ты мне за это...

Поэтому... А поэтому следует признать, что массовое общество и рыночная экономика породили общество, которое является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека, все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!»... И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Человеческая цивилизация достигла уровня возможности любых потребностей — были бы они артикулированы.

И дело не в коммерциализации, которая глубоко вторична. Главное — маркетизация, выступающая общим знаменателем, к которому приводятся все потребности и стоящие за ними ценности. В результате, если в традиционном обществе ценности выстроены иерархически, вертикально, то в обществе массового потребления эта вертикаль съедается снизу и оседает. Ценности превращаются в рубрикаторы рынка массового потребления. И надо признать, что это цивилизационный тренд. Это общество, о котором человечество мечтало, а изрядная часть его — мечтает до сих пор. Ограничивать миграцию приходится в страны, достигшие этого уровня, а не наоборот.

Но, как и у всех достижений цивилизации, у этого общества имеются негативные последствия. Что, кстати, отнюдь, не означает, что с этим обществом надо бороться. У компьютера тоже масса негативных последствий — глаза подсаживаются, позвоночник кривится — но никто же не отказывается от компьютера. Так и тут противостоять можно и даже должно не самому этому обществу, а его негативным последствиям. Каким?

Прежде всего, упоминавшейся игре на понижение. Человек оказывается в ценностно плоском мире. И ему нужны некие ориентиры. В этом плане можно выделить три основных средства противостояния игре на понижение и ценностному релятивизму. Во-первых, это гражданское общество, позволяющее людям, объединившись с себе подобными, решать свои проблемы. Во-вторых, это полноценная элита, люди, открывающие новые горизонты и пути их достижения. И, в-третьих, — внятная культурная политика: что подлежит обязательному сохранению, что само выживет, а что нежелательно.

И тогда становятся ясными главные беды нынешнего российского общества, оказывающегося бессильным перед игрой на понижение. У него нет иммунитета, позволяющего пользоваться благами цивилизации без патологических последствий. Однако обсуждение причин отсутствия в стране гражданского общества, полноценной элиты и вменяемой культурной политики выходит далеко за рамки данного рассмотрения, тем более что на эту тему много написано и сказано, в том числе и мною лично.

Перспективы новой антропологии

Цивилизационный тренд выражается еще в одном обстоятельстве...

Речь идет об определении и позиционировании личности. В силу целого ряда исторических факторов можно выделить несколько стадий идентификации личности как вменяемого субъекта.

Исторически первой сформировалась «этническая» идентификация, при которой границы личности как вменяемого субъекта задаются принадлежностью роду, племени, клану. Гарантами идентификации являются представители данного и других этносов («наш» – «чужой»). Подтверждением идентичности являются внешний облик, одежда, язык, поведение. По мере развития общества, возникновения государства возникла идентификация «статусная», когда личность выступает уже как выделенный из рода индивид, идентифицируемый по его месту в социальной иерархии, определяемому по его заслугам перед неким сувереном. В этом случае подтверждением идентификации, помимо облика, телесных признаков, становятся некие документальные свидетельства. Урбанистический образ жизни, индустриализация, формирование и развитие массового общества породили «ролевую» идентификацию, когда на первый план выходят успешно выполняемые социальные роли, независимо от статуса и рода-племени личности. Гарантом чего является личная и профессиональная востребованность, подкрепляемая некими сертификатами, но главное — компетентностью и профессионализмом личности.

В настоящее время мы, похоже, вступили в стадию «проектной» идентификации, при которой границы вменяемого субъекта очерчиваются жизненными стратегиями, планами, а идентификация задается вменяемой ответственностью, что подтверждается известностью и узнаваемостью личности при активном участии средств коммуникации, общественного мнения. Можно предположить даже некоторые

очертания грядущей «постчеловеческой» идентификации, когда на первый план выходит «человек без свойств», неявленная и самостоятельно определяемая точка сборки («немонотонная функция») свободы и ответственности. Проблемы подтверждения такой идентичности весьма неоднозначны и только еще начинают ощущаться в связи с развитием Интернета, виртуальной реальности, генной инженерии, медицинских практик, трансплантаций, смены пола, киборгизации и т.п. По крайней мере у нас на глазах тело утрачивает жестко идентифицирующий личность характер, становится костюмом, который можно не только украшать (пресловутый пирсинг), но и менять.

При этом другие формы идентификации не отрицаются, а становятся средствами, ресурсом реализации конкретных проектов, давая личности вполне определенные особенности как конкурентные преимущества, — как в случае «проекта Обама». Или наоборот — старательно преодолеваются — как в «проекте Майкл Джексон».

Каждая идентификация порождает свою форму социализации личности. Так, отказ от родового статуса расчищает поле для карьерного продвижения чиновников; освобождение от всесилия бюрократии — возможностям свободной игры экономических, политических и других творческих сил; расширение возможностей самоидентификации новыми коммуникативными средствами — новые возможности самореализации личности.

Во все времена личность могла быть недовольна своим местом в мире, стремилась к его изменению, смене своей социальной позиции. В традиционном обществе средства для решения этой задачи были довольно ограничены: это могла быть узурпация чужой позиции, ее маркировка именем с целью изменить к себе отношение окружающих; затем изменение социального статуса, а затем — роли. В наши дни подобное стремление предполагает изменение себя, своей собственной самоидентификации, построение себя-другого. Потрясающие возможности в этом плане дает Интернет.

И это именно достижение цивилизации. Потому что как только цивилизационные возможности утрачиваются, все формы идентификации быстро облетают, как листья с кочана капусты, оставляя кочерыжку этничности.

Ergo

Хорошо все это? Или плохо? Думаю, что спрашивать так — все равно, что оценивать времена года. Мы имеем дело с цивилизационным развитием. Следствием чего является не только новый уровень качества жизни, но и новая антропология, а, возможно, и какие-то сдвиги морали — одни проблемы биоэтики чего стоят. Даже вроде бы решенные в середине прошлого столетия вопросы отношения к аборту в наше время приобретают не то что бытовой, а даже политический характер. Где и когда личность? Где и когда человек? Да и зрелая личность все больше предстает странником, навигатором возможностей.

Если обобщить сказанное, то можно даже, утверждать (вслед за М.Н. Эпштейном), что мир вступил в новую модальность бытия — модальность возможности. Это видно даже по динамике общественной мысли, в первую очередь — философии. Если большую часть ее истории мыслителей интересовало сущее и проблема его постижения (истина), то индустриализация, успехи науки вывели на первый план модальность должного — приведения реальности в соответствие с познанными законами. Этот рационалистический активизм исчерпал себя к середине прошлого столетия — как в крахе позитивизма и сайентизма, так и в крахе «социалистической» утопии. И на первый план все более явно выходит модальность возможности, что проявляется не только в информационных технологиях, Интернете, виртуализации. Социально-экономические практики кредита и страхования — не менее убедительные примеры поссибилизации реальности. И всеми этими возможностями надо уметь пользоваться.

В ответ на вызовы современности требуется новая компетентность — как жизненная (от каждой личности), так и профессиональная — в том числе от гуманитарная. Когда меняется роль гуманитария — не столько объяснять мир и не столько писать программы его преобразования, сколько потенцировать реальность, открывая новые и новые возможности.

Нередко ответом на эти вызовы становится синдром стресса от интенсивной динамики меняющегося мира. Не объяснение этой динамики, а страхи, фобии... И это ярко представлено в статье наших авторов.

И что — бежать в традицию в духе «Проекта Россия»? Или открыться изменениям? Ситуация выбора очевидна. Она даже ярко проявилась на последних российских выборах — думских и президентских, расслоивших российское общество на сторонников изменений, сторонников «стабильности» и растерянных перед самой ситуацией ответственного выбора.

1. Чекмарёв М. В., Чупров А. С. Векордизм, или мироощущение как способ защиты // Социум и власть. – 2011. – № 4 (32). С.5–12.